

wn

Виталий Буданов

Странная Алиса

Рассказы

18+

Виталий Сергеевич Буданов

Странная Алиса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63736437

SelfPub; 2021

Аннотация

Молодость, наивность, что за этим скрывается? Чистый еще не испорченный взгляд на жизнь, или просто неопытность, розовые очки? Что такое жизнь, можно ли поймать прекрасное мгновенье? Или мгновение растягивается, но оно тогда не прекрасно. Молодая девушка по имени Алиса сталкивается с этим миром, который одновременно и прекрасен и безобразен. Какой же отпечаток он оставит в ее сердце?

Виталий Буданов

Странная Алиса

Пробуждение

... Хм, никогда такого раньше не видела. Это создание поразило меня до самых далеких глубин души, удивило так, что я тот час, придя домой, взялась за кисточки с красками и перенесла все увиденное на холст.

Уже прошел мимо холодный лютый февраль с лазурным морозным небом, и март добрался до середины своей. Снега начали постепенно таять и расплзаться, потеряв свою рыхлость и скрипучую стойкость; они стали пропитываться влагой, так что сугробы поползли по земле, словно горы в оползень. С дороги уже сбежал снег, хотя за ее пределами его осталось еще весьма много, но выйти на асфальт он больше не решался. Теперь прежний его хруст сменялся липкостью, а насыщенный белый цвет, по которому так любила прогуливаться тенистая синева от деревьев, стал постепенно бледнеть, она уж теперь перестала на него заглядывать. А по дорожкам потекла талая вода, разливаясь на ветвистые рукава в разные стороны, она напивалась собой воздух, в котором чувствовался ее запах.

Я вышла на улицу, одевшись не так тепло как раньше, на-

дев более легкое пальто, но толстую блузку под ним все же оставила, а голову не покрыла ничем; так приятно пройтись без шапки и окунуть свои золотистые волосы в этот теплый весенний воздух, дать долгожданному ветру наконец-то потрогать их и поиграть ими. Но хотя сегодня у него было не очень игривое настроение, он был где-то вдалеке, и лишь только слегка их ласково потрепал, убедившись, что все они на месте. А волосы не покрытые шапкой так свободно разбегались по моему пальто, словно соскучились по свободному веянию. Я решила не идти в лес, а пройтись вглубь поселка, куда вела отходящая неподалеку от нашего дома улочка. Она шла немного петляя, а на нее то и дело смотрели разные дома. Всюду чувствовалось уже скорое приближение весны, талая вода так живо растекалась по дорожкам, пытаясь продолбить в них ложбинку, а кое-где пролегли проталины, откуда наверх вырывалась с примятой травой сырая холодная земля, словно урвав с себя одеяло, пробудилась ото спячки. А я шла медленно и вдумчиво, оглядываясь в разные стороны, ловя этот пробужденный от морозов чистый теплый играющий воздух, словно благой вестник, он то дело стучался в каждую дверь, подходил к каждому человеку и возвещал радостную весть о том, что все вокруг восстанет как из мертвых и снова обильно зазвучит. Что власти не имеет холод, мороз и тьма, что жизнь снова восстанет из под земли, словно из гроба, куда она так грустно и печально уходила осенью, провожаемая последней яркостью листьев, как солнце,

когда оно погружается в горизонт оставляет на верхушках деревьев и домов свой бурый золотистый свет. Но вот весна грядет предшественно, но тихо, понимая, что не может долго держать в темноте эту часть света, и скорей спешит к ней, чтобы осветить. Так же и воздух, он уже начинал разносить повсюду молодой зачаток жизни, который спустя некоторое время, разовьется в обильные стебли и цветенье, и зеленью покроет все вокруг.

Я вышла на центральную дорогу и зачем-то пошла вперед, хотя брела бесцельно, лишь только любуясь как гейзер жизни, уже найдя ложбинку, начинает мурлыкать и бурлить, и скоро разольется повсюду. Центральная дорога шла прямоком к шоссе и от нее исходил какой-то свежий весенний запах. Небо было довольно серое, все в тучах, но как-то повесеннему светлое, и тучи довольно отчетливо вырисовывались и куда-то быстро неслись; а солнце все же рассеянно просвечивалось сквозь них, а иногда ему удавалось полностью пробиться сквозь разрыв между облаками. Тогда ему ничто не мешало позолотить землю, но потом оно снова тонуло в гуще облаков, которые довольно быстро мчались по небу, а иногда даже перегоняли друг друга; но внизу почему-то ветра не было, наоборот все как-то застыло в неподвижности: лишь изредка он мог что-то тронуть, но мои волосы он пока оставил в покое.

Дорога, покрытая темным из-за влаги асфальтом, прямо тянулась вдаль, и чуть возвысившись, упиралась в зеленые

ворота, за которыми шумело шоссе. Она была почти пуста, по ней лишь только шел какой-то мужчина в берете уже довольно преклонных лет, неся через плечо большую дорожную сумку. Он быстро прошагал мимо меня, словно куда-то торопился. А я медленно, не спеша шла дальше, все любуюсь природой и пришедшим весенним воздухом. Зачем я пошла по центральной дороге в сторону шоссе? Не знаю, туда завели меня ноги, хоть это и не особое мое любимое место, но сейчас оно мне почему-то нравилось, в нем я видела какую-то особенность.

Я дошла до зеленых ворот, уловив шум шоссе, уже было собралась идти обратно, как тут на улице, которая шла вдоль забора, справа от меня я заметила серого кота идущего в сторону центральной дороги. Он был средних размеров, довольно упитанный, со слегка сплюснутой мордочкой. Он шел куда-то по своим делам, не особо обращая на меня внимание.

—

Кс-кс-кс-кс – я аккуратно чтобы не спугнуть подошла к нему и

поманила его рукой. Он откликнулся, но посмотрев на меня, сначала не решался подойти. Затем я слегка нагнулась и, выставив ладонь вперед, позвала его еще раз, и он все же подошел. Он понюхал мою руку, а второй рукой я провела ему по загривку. Затем он скользнул своей мордочкой по моей руке, которую я все еще держала вытянутой, тем самым дав

понять, что находится в хорошем расположении. Я присела на корточки и принялась его гладить, а он стал мурлыкать и тереться о мои коленки. А мне удалось разглядеть его поближе, и мне тут же в глаза ударил оранжевый цвет его глаз, он был настолько яркий, что выделялся и светился, даже при дневном свете. На несколько секунд я аж замерла от удивления, никогда я раньше не встречала котов с таким ярко светящимся оранжевым цветом глаз. А он все ходил вокруг меня, мурлыкал и терся, а я его нежно гладила по короткой шерстке, а он урча, поднимал голову, выражая искреннюю благодарность. Видно было, что это чей-то кот, так как он был очень породистым, о чем говорили его маленькие поджатые треугольные ушки, да и весь его чистый ухоженный облик.

– Какой ты хороший кот, как тебя зовут? – на что он только урчал, удовлетворенно поднимал свою серую головку, и то и дело врезался мордочкой то мне в коленки, то в руку. Шерсть у него тоже была какая-то загадочно особенная: она была немного темной, короткой, но обильно густой, и, блестя, переливалась на свете. – Где ты живешь? Ты наверное погулять вышел, да? Молодец ты какой, видишь вон погода какая теплая.

Затем я взяла рядом лежавшую веточку и, поведив ей по земле, решила поиграть с ним. Он резво набросился на нее, не переставая мурлыкать, и стал то и дело цеплять ее лапами и кусать, а его горящие оранжевые глаза светились и прыга-

ли как два огонька, словно раскаленные угли, они рисовали в воздухе узоры. Я все водила веточкой по земле, а он резво на нее прыгал. Его мордочка выражала какое-то удивление, особенно это подчеркивали его яркие светящиеся глаза, которые он вновь в меня впил, будто хотел меня повнимательнее меня изучить, когда уже наигрался. Этот взгляд, в котором застыл вопрос и удивление вызвал у меня у самой удивление и умиленную улыбку. Я поднесла к его смешной головке ладонь, а он сам специально стукнулся о ней головкой, словно хотел отодвинуть ее. Снова он замурлыкал и стал вокруг меня чертить небольшие круги и врезаться то в колени, то в спину. Наконец я двумя руками остановила его и почесала ему за ушком, от чего он просто растворился в мурлыкании, а затем я обняла его правой рукой и прижала к согнутой ноге, а он то и дело мигал своими горящими глазами в разные стороны; и затем он, подняв головку, вновь обратил их ко мне, отчего я чуть не зажмурилась, так как глаза у него действительно светились, и, быть может, в темное время суток они способны оставлять светящиеся полосы на земле, словно фары. А до чего же у него изумительная шерстка, будто сваленная из шелка, какое же милое создание! Похоже на то, что это британский кот, так как где-то я видела таких же этой породы, у них маленькие треугольные ушки, только тех что я видела они были белой или полосатой окраски, но именно такого дымчатого с оранжевыми глазами я вижу впервые, и с настолько горящими, что его пепельная

шерсть похожа на обильно густой дым, который поднимается от его глаз, клубится и полностью охватывает все его туловище.

Я привстала, все еще продолжая гладить его рукой, а он все терся о мои ноги, словно никак не хотел их отпускать. Я все время смотрела на него с восхищенной улыбкой, которая поднималась от его сладкого урчания, как тесто от дрожжей. Я попыталась сфотографировать его на телефон, но позировать он явно не учился: он постоянно вертелся, так что смазывал себя на снимке, порой он вырисовывался даже зловеще, от своих движений он растягивался, а глаза удлинялись в две пронзающие линии, бегущие от его суровой грозной мордочки, с некоторых ракурсов похожей на бульдожью. Наконец он сел посреди дороги, и я в надежде, что сейчас должно получиться, выставила телефон вперед, но он, заметив это, быстро подошел ко мне и провел своей мордочкой по нему, от чего изображение размылось, будто на него пролили воду. Несколько кадров мне все же удалось сделать, но он все продолжал обвивать меня кругами. Я уже подумала идти обратно, и подброшенная такими дивными потрясениями, думала пуститься в размышления, которые в изобилии окружили меня, как тут я обернулась назад и увидела, что он плетется за мною. Не знаю чем я ему так приглянулась, что он перешел на рысь, и через несколько секунд бодро прилетел ко мне.

– Ну что ты хочешь? Мне пора уходить. – А он остано-

вившись передо мною, присел и устремил ко мне свои жаркие глаза, в которых как веточка, сквозь цепляющий ее огонь проглядывала какая-то просьба.

—

Ну что, ты кушать хочешь? Но у меня нет ничего, а дома тебя,

наверное, хозяин ждет, он тебе точно даст покушать, — сказала я, разводя руками, и сама сожалея о том, что не могу его ничем угостить. — Ты иди в свой дом, — я вновь присела на корточки и стала гладить его, — там тебе дадут рыбки, нальют молочка, а я пойду.

Всем своим видом он хотел сказать, сожалея о том, что не знает слов, чтобы я не уходила. Его глаза были полны умиления, затем он опустил головку и на секунду прикрыл их, радуясь тому, что пока я еще здесь. Снова он стал тереться и мурлыкать и водить своей мордочкой по моим сапогам, а я все же встав, почесала ему затылок и пошла дальше.

Кот затерялся где-то за поворотом, но то изумление, которое покрылось пламенем, когда я его увидела и ласкала, загоревшись от его поджигающих глаз, наверное, не потухнет во мне до конца этого дня. Если только ночь не погасит его вместе с остальным светом, если сон не потушит его как ночник, но сейчас я чувствовала как оно бодро ходило в моей груди. Языки этого пламени доставали мне до глаз, и порой их прическа завешивала мне взор, так что я не могла уже смотреть по сторонам, я опускала голову и глядя в самый его

очаг, начинала думать об этом коте. Я вообще люблю зверушек, порой они кажутся милее всех на свете, иногда они способны понять тебя гораздо лучше чем человек, и лишь только немота не дает им чувства словами снарядить. Мне было приятно от того, что кто-то меня очень порадовал и вдохновил, но еще более приятней, что я смогла кого-то обрадовать, подарить частичку своей ласки, уж не знаю сколь много ее у меня, но хочется думать, что пару сладких кусочков все же имеется. Ведь он подошел ко мне просто так, вовсе не потому, что я его покормила или манила чем-то вкусным, возможно он понимал, что проживая здесь, может кого-то обогреть своим мурлыканьем. Но затем, языки потихоньку успокоились, а за ними скрылись какие-то светлые мысли.

Я шла обратно домой, вдыхая благоухания свежего стаявшего снега и, не переставая радостно озаряться по сторонам, наслаждалась пониманием того, что вот наконец-то явилась долгожданная весна, начавшая постепенно топить снега, отнимая у них власть морозить все, что выйдет им навстречу. Уже так начала надоедать холодная суровая зима, хоть снег и был уж долгожданным, но теперь он был лишь в тоску, а сейчас я вижу как тлеют мои мечты, когда в суровое серое ненастье, я ждала серебристого озарения, но за зиму оно потеряло блеск, оставив лишь только серый цвет. Теперь я настолько слиплась с привыканием к нему, что уже вовсе не хочется на него обращать внимание, чудится, что он уже лежит лет сто и я начинаю немного недоумевать, как я могла о нем

мечтать. Теперь он сжался в повседневность, утратил свою яркость, поэтому и не хватает у него сил броситься каждому в глаза. Видно, что он уже поседел и утратил свою красоту, но вот он наконец начал таять, о чем я мечтаю с конца зимы. А сейчас воздух – просто сокровищница благодати, о чем так чудно и дивно возвещают птицы. Мертвенную тишину начинает попирать их мелодичное пение разливающихся то здесь, то там; и порой так неожиданно вырывается где нибудь из-за угла музыкальное щебетание. Я иду, пораженно внимая оркестру природы и думая как же дивен этот мир, как же он полон красоты, сколько в нем всего удивительного. Стоит лишь только обратить взор, как его причуды начнут разворачиваться словно новые миры и бесконечные бездны, куда как дни устремляются все невзгоды, скорби и страдания, и никто тебе не посмеет помешать любоваться ими. И тут же понимаешь бренность тьмы, и вечность Света над нею торжествует.

С какой-то радостной улыбкой я пришла домой, словно была рада всему, что меня окружает; затем быстро скинув с себя пальто, я поднялась на второй этаж, взяла краски, поставила мольберт и стала рисовать кота. Сначала я набросала эскиз, поместила его на перекрестке дорог, но затем передумала и отодвинула его чуть вглубь дороги. Отойдя немного передохнуть, я нечаянно взглянула на себя в зеркало, и ненадолго остановилась, будто поражаясь своему отражению, словно вместо себя я увидела кого-то другого. Мои

голубые глаза светились от радости, губы смыкались в улыбку, и волосы ровно пробегались по плечам, чуть-чуть сантиметров на пять семь не дотягиваясь, хотя по их стремлению видно, что старались, до узкой талии. Я немного поправила волосы, прядь от которых вышла и чуть-чуть отделилась от остальных, хотя никто сейчас на меня не смотрел, лишь только я сама, но все же по привычке решила поправить. Но затем снова принялась рисовать, стала уже наносить краску. На картину у меня ушел где-то целый день, так как несколько раз я делала большие перерывы, чтобы поесть или просто отдохнуть. Но в конце концов я закончила уже под вечер, который потопил в себе весенние краски, так как в основном был виден снег, а его проталины заделывала темнота, так что они не особо виднелись, и если они где-то и появлялись, то были похожи на тень от чего-то. Но в итоге получился тот самый серый кот, сидящий на дороге и смотрящий на меня своими прожигающими глазами, которые по-началу мутнели и не хотели передаваться, а порой даже вовсе сопротивлялись, скатываясь то к банально желтому или дурно красному, но все же спустя какое время они сошлись в тот самый оранжевый цвет, который пылал на его глазах. Но получился довольно выразительным, ушки правда у него выросли как-то по длиннее чем на самом деле, но это не особо заметно; он сидел на дороге, за ним располагаются ворота, а сам он цепко, словно когтями впивал в меня свой пламенный взгляд. Несколько минут я стояла возле мольберта, не в силах отой-

ти от него или вообще пошевеливаться, но поразила меня не сама моя картина, а тот кот, который так же как и на картине сидел в моей памяти.

11.02.15.

Ночь

... В этот день я не могла усидеться дома, меня почему-то непрерывно манило на улицу, хотя погода уж явно была не для прогулок. Но все же мне не терпелось выйти даже под маленькие капельки моросящего дождя, который прятался и если внимательно не всматриваться, делался вовсе невидимым, однако не сбрасывал своего белого полупрозрачного покрывала. Однако разворачивал он его довольно далеко, видно лишь только было как застилая и убирая, словно кровать, едва ли различимый горизонт, слившийся в себе конец земли и подъем неба.

Уж где-то в одиннадцатом часу я все же решилась выйти на улицу, хотя это одеяло, наброшенное на небо вовсе не комкало во мне испуг или брезгливость, просто не хватало чего-то, чтобы перешагнуть порог. Хотя я постоянно отвлекалась то на одно, то на другое, и в перерывах бросала на него обещающие взоры.

Но все же наконец, в один прекрасный момент я переоделась в джинсы, взяла с вешалки куртку и все же вышла за порог дома. На дворе календарь повернулся первым маем, хотя мало деревьев еще распустились, а темнота и вовсе не хотела показывать едва ли раскрывшиеся листочки. К тому

же она как-то отбрасывала время назад, так что трудно угадать, что уже наступил май, этой ночи можно было спокойно дать начало апреля; и вовсе не бросится на тебя удивление, если вдруг по бокам дорожек заметишь оставшиеся комки снега. Привычная ранневесенняя чернота окружала все вокруг, имея какой-то сухой, но в то же время легко проходимый вид. Я шла абсолютно бесцельно, ничего меня сейчас к себе не влекло, ни одно место мне не подавало зова, мне либо было смотреть на дома и улицы поселка. Кроме меня на улице не было никого, вся она как-то таинственно пустела, покорно принимая свет от ярко-белых фонарей. Так приятно было пройтись одной по поселку, когда никто не обернет на тебя взор, когда все улицы принадлежат тебе, и ты можешь спокойно выбирать любую. Запах дыма иногда, медленно, но стойко, крался по ним, и так приятно его неожиданно улавливать. Полная безмолвная тишина, и кажется, что она радостно принимаемая каждым предметом, каждой веточкой и каждым домом. Я даже не знаю как назвать то состояние, которое было во мне в этот момент, то не радость и не грусть, хотя радость где-то рядом, как-то она ощущается, но самое главное, я поняла, что в этот момент я уловила и осознала настоящее именно эту минуту и эту секунду, которую впустила в себя и она плавно перетекла через меня, как светлая проточная вода; и, притаившись, можно спокойно распознать ее журчание, похожее на то, когда ручей перебирается через камушек.

Откуда-то донесся шум, он стал приближаться и делаться все сильнее и

сильнее, а затем и вовсе выдал проезжавший где-то вдалеке товарный поезд. Я остановилась под длинным столбом, с которого фонарь, будто специально для меня изливал свой свет; и я внимательно прислушалась, не смея ступить ни шагу. Откуда-то издали послышался отчетливый шум колес, затем протяжный гудок, побиваемый снова стуком колес. Этот звук был какой-то невероятно поражающий и необыкновенно таинственный, гонимый тишиной, с укрытой и укутанной лесом отдаленной железной дороги, так что она казалась где-то за пределами далеко, где-то на самом краю планеты, а звук был настолько близок, что казалось будто поезд трется вагонами о твой бок. Именно из безмолвной тишины рождается звук, и порой выглядит как чудо. И тишина разгоняет его, словно ветер, доносит его, словно вода волны. И он так резво и стремительно несся из-за леса, словно спеша, и, ловко перепрыгивая, он в пол секунды оказывался рядом с ушами. Постепенно он стал уходить, его прыжки стали все реже и реже, затем он стал плюхаться в ветки и беззвучно топтать их; так и ожидаешь предполагаемый треск, который так и не наступает. А потом он и вовсе помчался догонять поезд, а сюда уже и не намеревался запрыгивать. И снова та же тишина, и некоторые звуки все же мерцают, но очень отдаленно, словно звезды.

Кольцо воспоминаний

...Была на этой неделе возле художественной школы, столько времени прошло с тех пор как я там училась, а иногда кажется, что это было совсем недавно. Как сейчас помню одну свою мысль, которая так ясно прозвучала, когда я первый раз шла в художественную школу, чувствуя некоторую робость и нерешительность, я часто ее ощущаю, когда первый раз куда-то попадаю. Помню, шла и думала, что вот он настоящий момент, я здесь и сейчас в нем, но позади в моей памяти множество воспоминаний, как следов на песке, и часто когда я иду, я что-то вспоминаю из своей жизни, я подумала, что пройдет время, этот момент сменится последующими событиями, одни накладываются на другие, и время, в котором я сейчас, я так же буду вспоминать, когда буду куда-то идти, или что-то делать. Очень ярко мне представилась та мысль, видимо поэтому так хорошо и запомнилась. И вот сейчас, когда прошло несколько лет, в этот хмурый осенний день я вновь оказалась на Украинском бульваре, ради интереса я свернула во двор к той школе. Все было на том же самом месте, будто время миновало художественную школу, словно туча, которая пролилась в далеке, будто я снова попала в тот день, когда шла в нее первый раз. Так же яркая вывеска висела над входной дверью с зазывающими надписями. И тогда был такой же тусклый осенний день, как-то

он немного нагнетал меня, все тоже самое непонятным образом повторяется и сейчас. Столько провернулось событий, они пронеслись каким-то вихрем, словно с деревьев их сорвал ветер. Странно, иногда кажется, будто прошли миллионы, миллиарды лет и так интересно, эти миллиарды уместятся в несколько дней, так как с другой стороны все же тебе представляется, что это было совсем недавно.

Эта школа подарила мне дар рисования и Лизу, за что я ей долгое время буду благодарна.

Много времени прошло между той порой когда я там училась и нынешней минутой; а некоторые воспоминания настолько яркие, что так и видится тебе, что то, что в них было, происходит прямо сейчас, будто то время и вовсе не прошло. Я взглянула еще раз на это здание и пошла обратно, пошла той дорогой, которой мы ходили обычно после занятий, и каждое место, каждый уголок таит в себе какое-то событие, будто оно специально спрятано, а для кого-то это просто улица ничего для не означающая. Видимо у каждого есть такие места, которые хранят его воспоминания, они кладбища их или библиотека. В какую сторону не помотришь, сразу же вспоминаешь событие и мысленно идешь за ним, проживаешь его, касаешься тех священных минут, которые никогда не повторятся, от чего порою может стать немного горько, когда это хорошее событие; и так желаешь вновь в него по-

пасть, думая, что вот тогда ты был счастлив, и какое счастье будет вновь в нем очутиться волшебным образом, но понимаешь строгость реальности, ее железные заслоны, ее железное невозможно, но все же веришь в некоторое волшебство, тайно, с пониманием о его несбыточности надеешься на чудо и так сладко его вспоминаешь, ибо оно есть в твоей жизни и ты всегда можешь к нему обратиться, прийти к тому событию на могилу, может это и не очень хороший образ, но почему-то мне видится это так. И сейчас я брожу по кладбищу своих воспоминаний, не потому что они умерли, а потому, что о них помню, ведь кладбище – это дом памяти, она там живет; вот и я хожу от одной могилы к другой, под таким же серым, ненастным небом, и вот, я уже приближаюсь к выходу, идя по центральной небольшой дорожке вдоль могильных оград, вымощенной серой плиткой, повторяющей цвет неба.

Я нарисовала этот образ на картине: старинное кладбище, накрытое серым небом и слегка поросшее темным, а порою с оттенками яркого зеленым мхом, а впереди него небольшая англиканская церковь. Когда этот образ увидели, меня естественно не поняли

Был еще образ старинной библиотеки, но он не прижился, я пыталась его изобразить, но он получился нелепым, нарисовался только наполовину, и теперь лежит у меня в кла-

довой.

На краю Лондона

Мы с моей двоюродной сестрой Ксюшей сидели в кафе и о чем-то разговаривали. Вдруг она меня спросила:

—

Как в Лондоне?

—

Прекрасно, мне понравилось очень. Мы какое-то время пожили в

самом Лондоне, а потом поехали в Лэтимер, это такая небольшая деревушка под Лондоном, до которой доходит метро. Я, как сейчас, помню, мы переезжали и нам от станции метро до гостиницы нужно было пешком идти. Мы думали, что это близко совсем, а оказалось, не очень. Но зато такие виды я успела посмотреть, пока мы шли.

«Мы приехали и поначалу немного заблудились, но потом вышли в нужную сторону. По бокам стояли почти рядом друг с другом одинаковые домики, затем нам нужно было свернуть с основной дороги, она шла перпендикулярно, возле нее простиралась какая-то ферма, но затем, дорога резко, немного повернув, заныривала в лес, который словно какое-то чудовище точно где-то находясь в засаде, внезапно набросился на небольшую дорожку и мгновенно стал поглощать ее своей темнотой, было такое ощущение, что ты оказался в каком-то темном царстве; а дорожка будто его не замечая подкрадывалась к нему, и немного споткнувшись, шла

дальше вбок. Лес был невысокий, но деревья были невероятно щедры на размашистые ветви, они раскидывались во все стороны и будто дружно сцеплялись друг с другом, и словно тучи, заволакивали листвою небо, осыпая его полностью, расстилая покрывало над нами. А сплетение веток напоминало дружбу и вообще, я подумала, это очень хороший образ дружбы. Дорожка, хоть и знала свой верный путь, но казалось, что будто и она, терялась в этих зарослях, которые плотно смыкались между собой, словно сетки, желающие нас поймать, как рыбу. Всюду этот лес хранил пресный запах сырой земли, он так и бросался нам в нос, как только я касалась ногой земли этого леса, он настолько яркий и насыщенный, что кроме него ничего больше не чувствуешь, так настырно он забегает в нос. Этот лес невероятно тесный; не то что наши подмосковные леса, в которых деревья могут быть далеко друг от друга, а здесь они так же близко, как и дома. А дорога затем пошла круто вниз, будто захотела резко вырваться и убежать из этого леса, и, спустя несколько метров, ей это удалось. Вдали показался просвет, и она мигом выскочила из леса, а за ним показалось еще одно поле с каким-то домиком, а перед ним наша дорога, пересекающая лес.

Наша гостиница располагалась в средневековом замке, к которому подползали витиеватые узенькие улочки. Возле замка у входа раскинулся прекрасный парк, а сам замок немного напоминал чем-то старинную усадьбу.

Это место просто рай для художника, я бродила по нему

и его окрестностям целую неделю, каждый день я что-то наносила на холст, действительно было ощущение, будто мы попали в сказку, когда я шла, окруженная старинными домами, которые так необычно выглядели, у каждого из них был свой какой-то проект.

Сам поселок был небольшой, он состоял всего лишь из нескольких улиц, из нашей гостиницы внутри замка и маленькой церкви, возле которой было небольшое кладбище, а вокруг поля и дремучий лес.

В какой-то из дней мы познакомились с местным жителем, милый приветливый англичанин, лет сорока – пятидесяти, с белоснежными волосами, которые словно нимб свешивались над ним, он пригласил нас к себе, показал нам свой дом, и одолжил мне велосипед, который стоял у него без дела в гараже.

На тот момент мое вдохновение стало иссякать, сегодня утром, я вновь прошла к дороге и почувствовала, что оно почти меня покинуло. Я все же пыталась его вызвать, стараюсь еще раз взглядеться на эти дома, на необычные для нас деревья, но оно куда-то испарилось.

Он вынес мне старый велосипед, но работал он отлично, и рассказал про окрестности этой деревушки, куда можно съездить на велосипеде. Этим он спас мое вдохновение, так как я стала ездить по всем окрестностям, и столько новых пейзажей для меня открылось, будто отворилась дверь в еще одну волшебную страну. Маленькие дорожки, по которым я

ездил, так и манили в свою таинственную даль, будто они прятались в норку.

Все эти дни нас почти все время окружала обычная английская погода: большие длинные тучи от одного до другого края занимали все небо, ровный свет заполнял все, размывая тени. Но в один день все совершенно внезапно изменилось. Когда я спускалась завтракать все небо было в густых тучах и понемногу начинал стучать дождь, и он становился все сильнее и сильнее. Как-то даже грустно стало, что дождь усилился, так отчаянно он бился своими каплями в мостовые и окна, что грустить хотелось все больше и больше; но после того как я доела, выпила ароматный кофе со сливками, глядя на то, как он бьется с шумом в стекло, он стал постепенно проходить; и когда я окончательно позавтракала, он вовсе прошел. Тогда я взяла велосипед и поехала в соседнюю деревню, которая была в нескольких километрах от Лэтимера. И пока я ехала, тучи стали редеть, даже стали появляться голубые пятнышки, затем они становились все больше и больше, тучи потихоньку расползались и вдруг выглянуло солнышко, и когда я доехала до этой деревни, они вовсе перебежали на другую сторону неба, кое-где еще оставляя рваные куски. И солнце воссияло над полем, но к вечеру тучи снова сошлись. А еще как-то раз было, что уже ближе к вечеру на небе, так же полностью поглощенным тучами они стали расходиться и буквально за короткое время оно полностью очистилось, и такой великолепный закат

тогда был! Но на следующее утро облака снова в сомкнулись, будто вовсе не расходились, и целый день стояла пасмурная непроглядная погода.

Настало время уезжать, а так не хотелось покидать это место. Мы шли, снова был ненастный пасмурный день, проходили те места, где некогда я каталась на велосипеде, и так ярко вспыхивает тот день, когда я здесь проезжала, снова тот дремучий лес, вновь я в него всматривалась, а он смотрел на все вокруг с небольшой горы.

Так не хотелось возвращаться в Лондон, здесь совсем другая Англия, все как-то мирно и покорно на тебя смотрит, и ты вместе с остальным придаешься этому покою и умиротворению, растворяешься в этой ровной тишине, поддаваясь ее мягкой плавной волне. Кажется, что тут все чуждо большим резким движениям, все здесь спокойно и равномерно: размеренно проходит жизнь, так как вовсе некуда спешить. Сама природа напоминала об этом, так снисходительно на тебя смотрели деревья, растения, и ничто здесь не мешает спокойно идти твоим мыслям.

Мы сели в поезд, он пока еще ехал сквозь обширные поля и леса, и я пыталась уцепиться за них, остаться в этом мгновении: уже минут через десять мы подъедем к Лондону, и они вовсе исчезнут, на их место придут тесные дома с узкими четкими улицами. А пока мы мчались сквозь лес, затем он обрубался и начиналось поле, но через какое-то время стали набегать сначала маленькие домики, они все уплот-

нялись, прижимались друг к другу, а затем, словно великаны среди остальных, ступали большие многоэтажные дома. Кое-где на улицах стали виднеться двухэтажные автобусы, они внезапно мелькали в окне. Вот мы уже на станции “Baker street”, поезд заехал в тоннель.

В Лондоне мы оказались вечером, вышли на станции "London Bridge" и сразу большая многолюдная толпа хлынула на меня, будто она прорвалась куда-то и стремительно неслась в ту сторону, но на самом деле все шли очень быстро и разрозненно. Невольно мне вспомнился последний тихий вечер в Лэтимере, как мирно над ним пели птички, как краешек солнца показался на горизонте, как я пыталась запомнить тот вечер, мне хотелось, чтобы он был целую вечность, и казалось, что он будет больше всех других. Так всегда кажется, когда уезжаешь из хорошего места, но вечер постепенно сворачивался, словно в трубочку, своим обычным темпом застилал все сумерками, затем, ровно, будто боясь резко все потревожить наступала ночь, а потом следующее утро, которое наступает внезапно, когда просыпаешься и тебе поначалу непросто в него войти, так как тебе кажется, что ты еще ночью.

Когда мы въехали в Лондон, он не внезапно, но через какое-то время ударил нас своим шумом, а те прекрасные поля и рощи уже остались позади.

И вот сейчас я стояла на Лондонском мосту, по которому не переставая неслась целая толпа, и снова я представила ве-

чер в Лэтимере на минутку, который не знает этого шума и толпы, пронсящейся мимо меня.

Вызов тьме

Мы ехали по МКАДу, был облачный день, лишь только снег незаметно тихо шел. А шел он действительно незаметно, медленно наслаиваясь на землю маленькими снежинками, он словно крался, не желая, чтобы кто-то его увидел, поэтому у него не хватало сил, чтобы осветить все вокруг.

Вдруг я увидела одну рекламу, и сначала вовсе не придала ей значения. На ней черными буквами была надпись: «Мама, я бегал во сне». Но потом поняла смысл, когда прочитала еще одну надпись чуть ниже. Будто какая-то чудотворная ослепительная стрела мгновенно и неожиданно вонзилась мне в сердце. Это были слова ребенка, который страдал параличом, он не может ходить, но он радостно смотрел на маму и говорил: «Мама, я бегал во сне». В тот момент я уловила ноту этих слов, и мне представилась такая картина: Этот мальчик, который болен параличом с рождения, видит из окна своего дома как его сверстники всю бегают и прыгают, играют в футбол, он смотрит на них, прикрепленный к инвалидной коляске, а во дворе бегают такие же мальчики как и он, но он так не может, хотя, возможно, уже и смирился с этим, но за невзрачной кулисой смирения, которая все же может утешить его и утешила, все равно таится какое-то тайное желание, которое он каждый раз оборачивает, словно

оберткой своим смирением, но будто это что-то живое, что не может находиться в этой обертке, и оно порою ворочается и иногда показывает себя. Возможно когда-то, он, грустно смиряясь, узнал о себе эту горькую правду – тень грусти стала постепенно исчезать, и вот, она уже почти незаметна, и он, кажется, быть может, про нее забыл, но все равно, где-то глубоко в душе ему хочется бегать, это тайное желание тихо спит. Он засыпает, ему снится, что он бегаёт, все оковы, несправедливо поставленные на него этим миром спадают, и во сне он, будто заключенный, которому снится свобода. Ему снится, что он бегаёт! Он бегаёт! В эту минуту происходит что-то волшебное и невероятное, он чувствует себя полноценным, его желание, а скорее даже потребность, невинно осужденная наяву, вдруг, совершенно неожиданно для него раскрывается полностью, ничто не может его обуздать, накинуть лассо, сила оков здесь не действует, и кажется, это еще больше его радует, чем сам бег, хотя и ему он бесконечно рад, хоть здесь он может отдохнуть от своих уз; и он бегаёт, резвится беззаботно, он невероятно рад каждому своему движению, и каждое из них воспринимает как дар, и как благодатно пребывать в этом состоянии будучи осыпанным тысячами таких подарков, блистающими как бриллианты. Но вот подкрадывается суровая действительность со своим мрачным лицом, заходит нагло без спроса, как надзиратель в камеру и выглядит как страшный зверь, с которым приходится или уживаться, или сражаться; он просыпа-

ется в своей кровати, вновь со своими больными ногами. Но это чувство еще горит, оно пока не угасло, и подобно яркому детскому утреннему солнцу, которое озаряет его личико. Он недалеко еще ушел от этого события, сейчас он помнит его и созерцает, вблизи от него самого. К нему заходит мама, поднимает его с кровати, а он еще не распрощавшись со своим заветным священным восторгом, который в данный момент все еще пересиливает привычную действительность, освещая его радостью, что была у него во сне, мама берет его на кухню, озаренную по-детски солнцем, и он с этой радостью маме говорит: «Мама, я бегал во сне!» Мальчик все еще чувствует исходное, чистое невинное лоно, где был он, когда спал. Какая же искренняя у него должна быть в этот момент радость, будто он и сейчас продолжает бегать, невзирая на свою нехорошо обошедшуюся с ним действительность. И вспоминая, он вновь проживает ее, так он рад, что случилось для него невероятное, пусть даже во сне, но случилось.

Меня очень поразили эти слова. Это возможно дает некоторую надежду, каждый из нас обставлен каким-то злом в жизни, кто-то больше, кто-то меньше, уж почему так, не знаю, но хочется верить, что есть такое состояние как у этого мальчика во сне, где оно оставит тебя, его власть не будет сильна, тогда можно будет воспарить, как этот мальчик, так же отдаться этим мгновениям, которые возможно слиты в несколько минут, почувствовать какое-то обновление, увидеть свое истинное лицо. Хотя кажется это невозможным, но

как возможно было это почувствовать мальчику, быть может, возможно и нам...

Воскресение

Меня зовут Алиса. Я очень люблю кататься на велосипеде, вокруг моей дачи очень много интересных мест. Особенно мне нравится кататься по полю, ловя взглядом его бескрайность.

Была уже середина лета, почти все интересные места я объездила, мне хотелось чего-то нового, необычного, того, что я еще не видела. Я подумала поехать в Хьюрин, честно говоря, я давно туда собиралась, но все откладывала.

Я села на велосипед и поехала на станцию. Мимо меня со страшным шумом периодически проносились машины, но их было немного.

Я приехала на станцию и стала ждать электричку, она должна была прийти через пятнадцать минут. Я даже не верила в то, что решилась поехать в Хьюрин, по-началу мне казалось это чем-то нереальным, но теперь это деталями облекается в реальность. Электричка в скором времени подъехала, я затащила в нее велосипед. Народу в ней было немного, так что я спокойно нашла свободное место и села у окна. Электричка загудела и понеслась, а я стала смотреть в большое окно, которое, словно экран было передо мною. Я люблю смотреть в окно, когда еду в поезде или на машине, я надеваю наушники, слушаю музыку и люблю пейзажами.

Была уже вторая половина дня, солнце светило еще ярко,

но уже начало склоняться к горизонту. До Хьюрина ехать минут сорок, так что я подумала, что немного покатаюсь по Хьюрину и поеду обратно домой.

Хьюрин довольно большой город, гораздо больше, чем Ельвецк, в котором я часто бывала. От вокзала я поехала в центр, проехала мимо площади Свободы, мимо Хьюринского драматического театра. Сам Хьюрин довольно красивый город, мы часто его проезжали когда ехали на дачу или с дачи, но в самом городе я еще не была, только видела его краем глаза. Хьюрин был основан в XIV веке, в нем много чего сохранилось, как например собор святого Себастьяна, несколько улочек со старинными домами, где часто бывают туристы, поэтому первые этажи этих зданий оккупированы разными кафешками и ресторанами. В Хьюрине жизнь бурлит, не так как в Танхонии, но гораздо интенсивнее, чем в Ельвецке. Ельвецк довольно тихий провинциальный город, он старше Хьюрина, туристов там меньше чем здесь. Его домики маленькие, приземистые, а в Хьюрине они трех-четырёх-пятиэтажные.

Я проехала старый город, он, конечно, небольшой, не такой как в Танхонии, но тоже немного впечатляет, и оказалась в спальном квартале. Между высокими домами был футбольный стадион, а вокруг него огибающая дорожка, я стала кататься по ней.

Со временем, как обычно, я захотела в туалет, но поблизости его нигде не было, он есть на вокзале и в маленьких

кафешках, но до вокзала было далеко, а в кафе не любят, когда к ним просто заходят в туалет, ничего не заказывая. Денег у меня было немного, да и я не хотела их особо тратить, поэтому оставался лишь только один вариант, это пойти в лес рядом с полем. Я хотела не очень сильно, так что думала дотерплю до вокзала. Но затем нужда ощущалась все сильнее и сильнее, так что я уже не могла не обращать на это внимание. Ехать на вокзал мне совершенно не хотелось, я думала покататься еще, поэтому ничего не оставалось, как пойти в лес, но я очень стеснялась, тем более, что какой-то мужчина ходил по стадиону. Я остановилась в нерешительности, но потом все же решила, что пойду все-таки в лес рядом со стадионом, там я смогу найти укромное место, где никто меня не увидит. Я сошла с дорожки и стала продвигаться осторожно вглубь леса. Поле скрывалось за ветками, и здесь уж скорее всего никто на меня не посмотрит. Обратно я так же аккуратно стала продираться сквозь кусты, подо мной хрустели ветки, вдруг сзади, неподалеку от себя я услышала какой-то хруст, будто кто-то наступил на ветку так, что она переломилась пополам. Я настороженно оглянулась, но никого не увидела, этот звук мгновенно растворился, словно его вовсе не было, будто это была шутка. Я остановилась на пару секунд, все глядя в ту сторону, откуда он донесся. Но там ничего не было и я не придавала ему значения и пошла дальше к полю, думая уже ехать обратно. Вдруг еще раздался звук, на этот раз уже громче, я остановилась и снова при-

слушалась, мне что-то кольнуло в груди от страха, но я попыталась как-то это объяснить, но не особо успешно, я услышала как заколотилось сердце. Уже стало темнеть и вдруг я осознала, что нахожусь одна в лесу и тут он мне показался зловещим, хотя до этого я так не воспринимала его. Вдруг я заметила какой-то черный силуэт вдалеке между деревьями, а он двигался в мою сторону. Мне стало страшно, но затем, когда я увидела, что это какой-то человек, мне стало даже немного спокойней от того, что я хотя бы не одна, но страх все равно не проходил. Это оказался тот человек, который ходил по стадиону, и он зачем-то стремительно направился ко мне. Мне стало страшно, но затем, когда я увидела, что это какой-то человек, мне стало даже немного спокойней от того, что я хотя бы не одна, но страх все равно не проходил. Это оказался тот человек, который ходил по стадиону, и он зачем-то стремительно направился ко мне. Он двигался, с горящими глазами, словно огромный монстр надвигался на меня. Его огненный взгляд впился в меня, было такое ощущение, что он сейчас зарычит. На несколько секунд я застыла, увидев его и затем ясно с ужасом поняла, что он от меня хочет и, чувствуя сильный сжимающий испуг, побежала от него дальше вглубь леса, а он мгновенно ускорил шаг. Так как лес был густой, ветки все цеплялись за меня, я бежала зигзагом, виляя из стороны в сторону, у меня не было цели куда бежать, все расплывалось, кусты и ветки разбегались передо мной. Затем на своем плече я как удар по-

чувствовала сильную, словно чугунную хватку его волосатой руки, будто что-то тяжелое упало на меня. От этого я остановилась, он схватил меня второй рукой и так сильно сдавил мне грудь, что я стала задыхаться. Я почувствовала, как у меня содрогнулась душа. Он обхватил меня своей рукой, так что я чуть было не задохнулась, его глаза горели, кипели, расплавились и дымились похотью. Он все держал меня, а второй рукой нагло и грубо стал трогать меня ТАМ, от чего я вся сжалась от стыда и сильного смущения, даже еще не сознавая что это произошло. Мне стало очень больно от того, что абсолютно незнакомый мне человек прикоснулся к моему самому интимному месту, словно он нагло ворвался во что-то очень личное, сокровенное, и осквернил это, будто он через что-то переступил, так цинично презрев и опрокинув эту грань, словно он ворвался в священную рощу, тайно сокрытую от всех и принадлежащую лишь божеству, в которую может входить лишь только тот, кому она доверена, и обезобразил ее. Это очень сильно меня ранило, равносильно тому, как если бы меня полоснули ножом, задев что-то очень личное, то, что ты всегда скрываешь от остальных, то, где обитаешь сам ты. Я даже подумать не могла, что кто-то так со мной поступит, что кто-то незнакомый прикоснется к этому месту, и я все время боялась что кто-то взглянет на него из посторонних, если вдруг увидит меня обнаженной, для меня это был бы сильный удар, после которого я долго бы приходила в себя.

Затем он стал пытаться сорвать с меня джинсы, а я ничего не могла сделать, лишь только невольно наблюдала за этим, но поскольку они были тугие и плотно прилегали ко мне, то у него не получилось с первого раза. Я стала сопротивляться, а он еще сильнее сжал меня, тогда я хотела было крикнуть, но он тут же сдавил мне рот, а вместе с тем и нос, от чего я сильно перепугалась, так как абсолютно не могла дышать, я стала мычать, мысленно прося его отпустить мне рот, и чувствовала его сильную цепкую руку, как она всей своей силой сдавливала мне лицо, она была такой устрашающе крупной, что казалась гигантской, а мое лицо по сравнению с ней было очень маленьким, так что своей рукой он мог обхватить его полностью. Я мычала, и это, казалось, еще больше приводило его в возбуждение, затем он все же отпустил меня, я упала, а он все держал меня за ногу, я всеми силами хотела выбраться, но он так цепко схватил меня, я очень огорченно поняла, что не смогу убежать, и это мне сулило то, что он скорее всего хотел со мной сделать. Я мысленно стала сопротивляться этому, все надеялась, что может быть какая-то тоненькая веточка чудесно спадающая на меня, за которую я смогу зацепиться, но ее не было поблизости, а я все в надежде искала ее глазами, порою она мерещилась мне, но я понимала, что скорее всего ее нет. Я все думала, что может каким-то чудесным образом можно избежать этого, мне стало казаться, что будто он исчезнет и этого не произойдет, но эта участь была передо мной и так меня страшила, я не знала

что будет после этого, как я буду себя чувствовать, если это случится, то наступит другая, неизвестная, словно в другом мире жизнь, и есть ли эта жизнь после этого вообще.

Со всей силы он ударил меня по щеке и у меня что-то мелькнуло в глазах, а затем толкнул меня так, что я упала и ударилась о дерево. Я встала и думала, что смогу убежать, я, кажись, увидела яркий блеск спасительной веточки, но тут он подошел ко мне и ударил меня еще раз, повалил на землю и покатил меня словно валик, а затем, подобрался к моей куртке и стал рвать ее, так что отлетали пуговицы. Тогда на себе я почувствовала всю его ненависть, вдруг я осознала, что кто-то так со мной поступил. Я все пыталась вырваться, но он сдавил меня, а тем временем уже стемнело, из-за чего уже мало что было видно, весь лес погрузился в темноту, а вдалеке и вовсе в ней скрывался. На несколько секунд он разжал ноги, и тут я со всей силы рванула назад, помогая себе руками. Быстро встав, я принялась бежать, но судя потому, что он гораздо крупнее меня и бегают быстрее, я отчаянно сознавала, что убежать не смогу, я поняла, что я беспомощна. Все это время пытаюсь вырваться, я молилась, наивно полагая, что каким-то чудесным образом мне удастся избежать этой участи. Залившись слезами, я снова упала, уже готовая к тому, что он сейчас меня настигнет, я вжалась в землю, словно искала у нее спасения, я лишь только хотела остаться в живых, хотя была у меня мысль, что если ему это сделать удастся, то я покончу с собой. Я не знаю как я смогу

дальше жить с этим, после этого события начнется другая, мрачная жизнь, которая будет тянуться долго, я уже буду по-другому себя осознавать, и это событие тяжело впечатается своей тяжелой глыбой на всю жизнь. Возможно, иначе я начну ощущать этот мир, я никогда не думала, что такое случится со мной и вот теперь это случается. Я быстро поднялась и наугад, со всей силы бросилась бежать в темноту.

Я вышла на пустынный берег реки, вдали возвышался автомобильный мост, через него проходило Яродовское шоссе, а за ним – железнодорожный мост. У меня заплетались ноги, я прошла по берегу и вышла на пустынную улицу, которую лишь только освещали фонари.

Неужели женщина для того и существует, чтобы так безжалостно издевательски ее насиловать, наслаждаться тем, что она слабее и ничего не может сделать. Неужели она только для того чтобы ею так грубо утешать свое желание, а потом выбрасывать вон, наигравшись, как ненужную бумажку. Так просто можно наступить, раздавить, растоптать, чуть не задушив, повалить как огрызок, потому, что она не может ответить, что она абсолютно слаба и беспомощна, и так просто можно проехать по ней как ни в чем не бывало. Почему я родилась женщиной, и вынуждена на себе это нести, сколько раз еще множество парней и даже мужчин посмотрят на меня с желанием потрогать и затащить в постель, и будут добиваться этого, осматривая меня с ног до головы, метая свои горящие взгляды, а я буду вынуждена их терпеть

на себе, и ничего не смогу с ними поделаться, но я им буду не нужна! Они не захотят просто поговорить со мною, или будут говорить вынужденно, потому что надо как-то скоротать время до этого момента, и всячески выискивая удобный случай, чтобы это заполучить. Я просто не понимаю почему так, просто за что, почему все так устроено, что девушки страдают от того, что мужчина может так унижительно и издевательски с ней обойтись, некоторые именно этого и ищут. Я почувствовала себя униженной от того, что я родилась девочкой, что этим я даю больше повода издеваться над собой и себя использовать. Не знаю, иногда, когда я вижу мужчину, начинаю чувствовать себя ниже его, порою меня сковывает его присутствие и мне становится неловко. А я думала, что когда-нибудь встречу настоящую любовь, найду того человека, который полюбит меня такой какая я есть и я полюблю его таким какой он есть, я смогу доверить ему самые сокровенные тайны, он открыл бы свои, и мы не могли бы насытиться друг другом, мы бы долго гуляли, общались, и каждый день узнавали бы что-то новое друг о друге, и нас с новой силой все больше и больше стремительно бы влекло друг к другу, и были бы бездонными колодцами друг для друга и всю жизнь прожили бы вместе. Неужели это так и останется в мечтах, неужели этого не существует на самом деле, а пребывает только в фантазиях, действительно ли жизнь настолько мрачна, что это не может сбыться? Я села на скамейку, закрыла лицо руками и громко разрыдалась. Я

не могла понять, что это случилось со мной, может это мне показалось, привиделось; слишком быстро все произошло, и в моем представлении этого не должно было случиться и это шло параллельно ему, а оно никак с ним не соглашалось. Это не должно было произойти со мной, и где-то внутри мне казалось, что этого случая и вовсе не было. Я сидела и плакала и мне все больше хотелось плакать, я просто не хочу, чтобы это было со мной, это, как мне кажется, самое страшное, что могло бы произойти и оно произошло, я вся была раздавлена, я четко ощущала в себе отпечаток его ступни. Я все это видела перед своими глазами: его лицо еще не испарилось, оно все еще надвигается на меня, а я все убегаю от него в страхе, он все еще бьет меня, валит на землю, а я пребывала в оглушающем, цепенеющем ужасе, я чувствовала, как он наступает на меня, как пытается сорвать с меня одежду, как я сопротивляюсь и насколько беспомощно и ничтожно перед ним мое сопротивление, я пытаюсь вырваться, словно бабочка, оказавшаяся в клетке, хлопаю крыльями, бьюсь отчаянно о стекло, и только сейчас я начала это сознавать. Ужас все еще был передо мной, я смотрела на него, он какой-то пугающей бездной захватывал меня.

Я сидела здесь на лавочке, а он, вероятно где-то бродит и ищет меня, наши пути разошлись, но могут сойтись снова. Меня всю передернуло, когда я подумала об этом. А что если он вот-вот найдет меня, неожиданно появится из-за угла?

Не знаю, честно говоря я не особо думала об «этом», я не

знаю как “это” бы происходило в моей жизни, я только всегда понимала, что сейчас не готова к «этому», я даже как-то мысленно шарахалась от «этого», мне всегда это представлялось чем-то таинственным, но я не готова и даже боюсь вступать в эту тайну, мне даже страшно немного это представить, я всегда думала, что если «это» и будет, то только с тем человеком, которого я очень люблю, тогда, может быть я была бы и готова, и то не знаю, для этого мне нужно хорошо узнать его, безгранично доверять ему; когда он станет мне близким человеком, может тогда я была бы на «это» готова, и то не знаю. Но ни в коем случае, я никогда не хотела бы просто с кем-то, кого я почти не знаю, мне всегда было противно даже это представить. Но я так рада была тому, что он все-таки не тронул меня, он лишь только попытался сорвать с меня одежду. Я очень бы не хотела, чтобы мой первый раз прошел именно так, мне было бы очень больно и очень сильно бы поранило меня. Но слава Богу, у него не получилось ничего, я осталась невредима, он не сделал того, чего хотел. Я как-то неожиданно это поняла. Я встала с лавки и пошла в сторону вокзала. Мой велосипед остался в лесу, я уже не пошла за ним, так как очень боялась вновь встретить этого человека. Мне было очень жалко, что он пропал, его подарили мне на День рождения, когда мне было четырнадцать лет.

Хьюрин был пустым, лишь только огни горели на возвышающихся как шпильки фонарях. Сколько раз мы проезжали на машине мимо этого города, когда ехали домой по Яро-

довскому шоссе, а я смотрела в окно на проплывающие мимо улицы, на дома, которые долго тянулись вдоль шоссе, а некоторые из них стояли вплотную. А после Хьюрина дорога расширялась, домов и деревень становилось все больше и больше, и уже не было таких огромных просторных полей, как до него, шоссе уже не утопало в темноте густых наваливающихся лесов, а возле дороги все не переставали мерцать огни, все никак они не умолкали, и словно в узел тебя завязывало приближение столицы, которое ощущалось если чуть-чуть отъехать от Хьюрина. Этот узел начинал постепенно затягиваться, он не затянулся еще до конца, но уже петля стала сужаться, в скором времени начали появляться большие дома, потом они исчезали, но ненадолго; а вдоль дороги все тянулись, не умолкая какие-то постройки, уже немного сдавливающие тебя, а дальше будет Танхония с ее большими домами, с ее вынужденной необходимостью, с ее огромной спешкой и давкой.

Я села на одну из последних электричек до Ельвецка. Людей в электричке почти не было, за исключением нескольких человек, что меня немного настораживало. Поезд ехал сквозь леса, они все тянулись, а дорога петляла порою; поезд проехал Кучугуры.

Я все думала об этой ситуации, электричка гудела, долго петляя между станциями, так как после Хьюрина между ними большие промежутки. Почему вдруг этот человек решил на такое пойти? Почему это случилось именно со мной, я

всегда думала, что все несчастья меня обойдут каким-то образом. Странно, ведь часто люди попадают в какую-то беду, и ты уже привык, что будто это происходит где-то в другом отдаленном мире, и каким-то образом тебя это не касается никогда, и потому ты становишься уверен, что с тобой никаких тяжелых несчастий точно не произойдет, будто неведомая сила охраняет тебя и оберегает от них, словно ты какой-то особенный, что тебя это вовсе не затрагивает. Почему этот человек решил на такое пойти? Как мне кажется, человек начинает совершать преступление из-за какой-то серьезной травмы, которая что-то сдвигает в нем внутри, после чего он начинает думать о нем, полагая, что это какой-то выход, и в какой-то момент решается на него. Может быть, над этим человеком долго издевались в школе, он чувствовал себя отринутым от всех, его не принимали, каждый день он приходил в школу, и его одноклассники придумывали новые пакости, и он ходил вынужденно, с поникшим лицом, зная, что сегодня опять над ним будут издеваться, а у него не было в школе друзей, и он не понимал за что его отвергают, и был вынужден терпеть ранящие его достоинство унижительные насмешки. Он не может почувствовать свое достоинство, когда его постоянно унижают. У нас в школе есть один такой мальчик, над которым постоянно все смеются, его никто не уважает, и я вижу как ему тяжело от этого, как он часто страдает, мне всегда было его жалко и хотелось ему как-то помочь, сделать что-то такое, чтобы он не чувствовал

себя несчастным. Иногда я общалась с ним, мне всегда хотелось его утешить, я помню мы несколько раз гуляли с ним после школы, и он очень был благодарен этому, а я была так рада, что ему стало легче, что теперь он не чувствует себя одиноким. Я помню, как мы сидели с ним на качелях возле школы, и он в какой-то момент рассказал мне всю свою боль, он был аутистом, но не в тяжелой форме, ему всегда было тяжело среди людей, он действительно был немного странным, поэтому его никто почти не принимал, его вообще мало кто понимал, даже родители, а друзей у него почти не было. Он так же как и я был очень стеснительным, поэтому мне очень трудно было к нему подойти, я сама очень стеснялась, как-то раз я все же решилась и подошла к нему и мы разговорились. Он был болен с самого детства, и не понимал в чем его вина. Часто, когда он мне что-то рассказывал, мне очень трудно было сдерживать слезы, помню как они катились по моим щекам, и как я все же надеялась, что он их не заметит, когда мы с ним сидели на площадке. Я не понимала за что его так не любят, ведь он ничего плохого не сделал, просто он немного отличался от остальных. Потом, когда я приходила домой я могла поплакать несколько минут, особенно мне хотелось плакать, когда над ним смеялись, какая-то волна захватила меня и я чувствовала то, что чувствует он, я понимала как неприятно было ему все это слышать, и так я рада была признаться ему, что мне тоже неприятно слышать то, что слышит он. Так я радовалась, что теперь ему было с кем пого-

ворить, иногда я плакала от радости, теперь он не был абсолютно одинок, мы часто с ним гуляли после школы, могли даже долго гулять, и все говорили о чем-то. Но потом он перешел в другую школу и мы перестали общаться. Я иногда вспоминала о нем, надеялась, что может в другой школе ему будет лучше.

И этот человек, может быть, когда сознавал свое ничтожество, которое смело, растоптало его, он упал в своих глазах, в какой-то момент решил доказать себе, что он что-то может, он решил поднять свое упавшее достоинство, и ему попался такой способ. Может быть у него не сошлись отношения с девушкой, быть может она нанесла ему серьезную глубокую рану, и теперь у него внезапно проснулось желание овладеть кем-то другим; возможно, после этого он возненавидел девушек вообще. А может быть у него с рождения появились склонности к жестокости, возможно, он их сознавал в детстве, и каким-то образом они проявлялись, и в один момент они проявились полностью, этот большой сорняк, росший в его душе, наконец вырос полностью и бросил свои ядовитые семена. Он, притаившись, сидел в нем сжатый, нераспустившийся, возможно, живя обычной жизнью он даже и забыл про него, этот бутон был уже на не особо видимом месте, и может быть, в его жизни произошла какая-то травма, после чего этот сорняк стал подниматься и расти со страшной силой. Тогда он, сознав, что терять ему больше нечего, отчаянно решился на такой поступок; рухнули, обидно и горестно

растеклись, словно разбитое яйцо о стену краски жизни, так радующие и наполняющие его до этого, эта палитра варварски перевернулась, все разные цвета влились в один грязный и противный цвет, а затем и вовсе исчезли, и чтобы хоть чем-то желанным наполнить свою жизнь он решился на такое, словно дикий зверь до того спящий, внезапно проснулся в нем, словно мумия восстала из гробницы и зловеще побрела. Я думаю, насколько же он сам был несчастен, что стал делать такое, я уверена, что ему самому было очень больно от этого, он не хотел бы так жить, я полагаю он видел свою жизнь по-другому, возможно, в детстве или в юности, размышляя о своем будущем, он представлял себя успешным, достойным человеком, достигнутым чего-то в этой жизни, часто, и созерцал свое гордое достойное лицо, думая о сегодняшнем времени, и я даже уверена, он и подумать не мог о том, что сейчас с ним происходит, в страшном сне не могло ему этого присниться. Если бы он узнал, что происходит с ним сейчас, для него это было бы сущим кошмаром, он ни за что в это бы не поверил. А теперь так горько все сложилось у него, возможно, глядя на те представления о будущем, которые у него в были у него в юности, до того как он на это решился, и глядя на сегодняшний день, он сокрушается каждый раз, бьет себя в грудь, жалея о том, что нельзя вернуть все назад, вернуться и исправить эту ситуацию, а так он непременно бросился бы к этой возможности как к спасательному кругу, если бы она только была. Я вдруг почувствовала его боль,

почувствовала его искалеченную жизнь, как теперь она рушится, и самое обидное, что эта жизнь дана всего нам один раз, и так мне жалко стало, что его единственная жизнь сложилась именно таким образом, вместо того, чтобы она была такой, как он бы этого хотел, чтобы в ней воплотились те мечты и планы, какие он желал бы принести, чтобы она была счастливой и достойной; и грустно, очень грустно становится от того, что произошло именно так. Возможно, желая таким образом вернуть себе достоинство он еще сильнее уронил его, потерял теперь его окончательно. Может быть принять все невзгоды, претерпеть их, понести, возможно, это и есть достоинство, может это и есть сила, не отвечать тем же, жестокостью и издевательством, а претерпеть это, невзирая на них все равно делать что-то доброе, сохранить любовь и уважение к людям, проявить их несмотря на то, что к тебе их не проявляют. Может это и есть настоящее достоинство, наверное это и есть выход из этой ситуации? Действительно, когда над тобой издеваются, тебе потом хочется так же издеваться над кем-то, когда возвышались над тобою и тебя унижали, возникает желание так же кого-то унижить, иногда даже того, кто в этом не виноват, кто тебя не унижал, просто хочется над кем-то возвыситься, унизив его, возвыситься в своих глазах прежде всего. Но может достоинство и заключается в том, чтобы не унижать кого-то в ответ, особенно если этот человек не причинил тебе никакого вреда. Да, это может показаться слабостью, так как многие думают, что

нужно уметь постоять за себя, показать всем свою силу, надо всех запугать, чтобы из-за страха тебе никто ничего не сделал бы. Но, может, делать несмотря на это что-то доброе, может в этом и есть бОльшая сила.

Мне было очень тяжело сознавать себя жертвой, я не могла поверить, что была в когтях у хищника, мне очень больно было от того, что это случилось, так как я предполагала, что это вовсе не произойдет в моей жизни, и это разрушило, разорвало привычную ее цепь, которую я представляла. Этот человек все еще был передо мною, теперь, возможно, долгое время я буду вздрагивать от каждого шороха, теперь я с опаской буду смотреть на прохожих и шарахаться в сторону. Этот человек будет преследовать меня какое-то время, а я порою буду видеть его, он будет где-то зловеще появляться. Во мне была сильная обида на него, хотя скорее больше страх перед ним, я не знала, как мне дальше быть. Но тут я поняла, что все что я могу сделать, все что зависит от меня – я могу не злиться на него, не желать ему зла в ответ, хотя мне он его очень сильно причинил. Я могу не желать отомстить ему, и не желать ему мучений, ведь он и так, наверное, много мучается, у него внутри сильная боль и я могу не желать того, чтобы она стала больше. Мне даже стало как-то жалко его, и в какой-то момент у меня появилось желание облегчить его боль, мне вдруг самой стало больно от того, что ему так тяжело и мне захотелось ее унять, сделать что-то, чтобы она прошла, вернуть ему ту достойную жизнь,

которую он потерял, дать ему еще один шанс прожить ее так как он хотел ее прожить. Мне стало жаль, что он не сможет исполнить свои хорошие желания, которыми он жил раньше, а это очень сильно помешало ему, и вдруг мне захотелось, чтобы он снова стал нормальным человеком, может не все еще потеряно, и он сможет остаток своей жизни прожить так как и мечтал. Вряд-ли у меня будет такая возможность, но внезапно во мне возникло такое желание. Ведь если я буду злиться и желать ему отомстить, пусть это даже и справедливо, я лишь только сделаю большей его боль, он и так страдает, а так он пострадает еще и от того, что я ему что-то причиню. Если я буду злиться на него, я буду его ненавидеть, эта злоба будет капать на меня, словно ядовитая жидкость и разъедать все внутри, а если не стану злиться, то у меня возникнет возможность чувствовать его боль и испытывать к нему жалость, тогда во мне будет даже сострадание к нему. Я решила не злиться на него, так как я сама могу от этого случая стать злой и, помня о нем, буду злиться на остальных, а они не будут ни в чем виноваты. Мне кажется, зло всегда ищет невиновных, чтобы они поддавшись на него, так же на остальных невиновных его распространили.

Часто люди считают, что таких людей как этот человек следует очень сурово наказать, если вообще не убить. Нередко люди хотят, он также помучился и испытал то же, что испытал тот, кто попал к нему в руки. Некоторые желают чтобы он помучился еще больше, и сильнее, кто-то вообще хо-

чет просто раздавить такого человека, уничтожить его, желая, чтобы он мучился всю жизнь, поэтому многие и придумывают разные жестокости. Но мне кажется, все это не поможет человеку, от того, что он будет мучиться всю жизнь, легче никому не станет. Да, тому человеку, который от него пострадал будет лучше на какое-то время, так как чаша весов уравнивается, и ему станет немного легче, что его обидчику так же плохо сейчас как было ему; особенно человеку станет приятно, если теперь ему хорошо, а тому плохо и он будет долго мучиться. Но все равно это ничего не изменит, ты просто в отместку испортишь полностью жизнь человеку. Конечно, человек должен за это понести наказание, это справедливо и за серьезное преступление, действительно, должно быть соответствующее серьезное наказание, но оно не должно раздавить человека, лишив его возможности многое исправить в своей жизни. Наоборот, этот человек, будучи в тюрьме может полностью раскаяться в своих поступках, мысленно попросить у своих жертв прощение, и он может, например, стать в тюрьме заведующим библиотекой, и он сможет снова стать Человеком, вернуть его утраченный облик.

Зло всегда стремится к тому, чтобы умножиться, если я буду его ненавидеть, во мне возникнет желание сделать себя более несчастной, а значит я могу к тому же начать говорить неправду и буду искать случай, чтобы нанести вред этому человеку и причем как можно больше, и тогда ему будет

только хуже. И мне как-то не хотелось этого, сознавая, что в его жизни есть сильная боль, мне было жалко его, мне хотелось чтобы ее не было. И я поняла, что все, что могу сейчас сделать – это простить его, не желать зла ему в ответ.

Я приехала на свою станцию Батрудово. До дома было довольно далеко, на такси у меня не было денег, поэтому все что мне оставалось – это идти пешком. Уже была ночь, вокруг не было ни души, что меня немного пугало, так как ничто не мешало какому-нибудь злоумышленнику на меня напасть, но в то же время я была недалеко от своего дома, что вселяло в меня некоторое спокойствие. Дорога до дома заняла у меня где-то полтора часа, изредка мимо меня проносились машины, от чего я вздрагивала, так как сейчас боялась каждого шороха.

Придя домой я сразу же легла спать, мне все равно было довольно тяжело, я чувствовала себя пришибленной. На следующий день я проснулась довольно поздно, около двенадцати, и мне даже вовсе не хотелось вставать с кровати. За окном уже светило солнце, день был в самом разгаре. Я чувствовала себя разбитой и какой-то очень немошной, будто из меня выжали все соки, поэтому я довольно вяло встала с кровати и побрела на кухню. За окном был ясный день, но он как-то параллельно шел мимо меня.

Трудно мне было забыть, я все еще отчетливо ощущала на себе, как грубая волосатая рука коварно бродит по мне, я чувствую его цепкое прикосновение, и кажется буду пом-

нить всегда, оно что-то зловещее источает из себя. Скорее всего надолго, если не навсегда, впечатается в меня, тот момент, когда он коснулся меня ТАМ, и мне очень трудно было с этим свыкнуться. Каждый раз, когда я вспоминала этот случай, у меня появлялись слезы, мне хотелось вернуться туда и сделать так, чтобы хотя бы этого он не сделал, и плачу каждый раз, когда снова понимаю, что это произошло, и всякий раз мне вспоминается то ощущение, что во мне было в тот момент; оно приоткрывает в себе что-то, и, возможно, я не забуду его, как запах смерти, таящий в себе нечто мистическое, приоткрывающий зловещую таинственную сущность смерти, чувствуя его, ты прикасаешься к ней самой, отчасти входишь в нее. Особенно его огненные глаза, которые так смотрели на меня, будто он вот вот, словно тигр собирался на меня прыгнуть и уже готовился к прыжку.

Целый день я была вялой, лишь только под вечер мне стало легче, я вышла на улицу, когда вечернее солнце медленно и спокойно пробегалось по кустам. В траве ровно трепетали цикады и солнце было уже довольно близко к горизонту, но светило еще довольно ярко, но уже не жгло как днем, а все вокруг медленно и благоговейно затихало, будто уже ожидая заката, который должен быть через пару часов. Прохладный ветерок дунул на секунду, а затем снова исчез, будто дунул случайно, и, извинившись, понял, что ошибся и ушел обратно. А когда солнце стало садиться, роса потрепала траву и стала от нее подниматься сырая освежающая прохлада, за-

вершающая этот день.

А на следующий день я проснулась уже гораздо раньше, чем вчера и почувствовала небольшую боль в горле. Я сначала подумала, что может она пройдет за день, и не придавала ей значения, но она становилась все сильнее и сильнее, отчего мне стало не по себе. А ночью, когда я легла спать у меня сильно поднялась температура. Я лежала в кровати, словно полено в печи, и жар меня лизал как пламя, какие-то спутанные мысли все были у меня, я думала о чем-то, что казалось мне тогда абсолютно здоровым, хотя придя в себя я сочла бы это за бред, словом я пребывала в нем, порою я не совсем отчетливо понимала где я нахожусь, все расплывалось предо мною. Я спустилась на первый этаж и померила температуру, оказалось, что у меня 39, 5. Если бы я не была в таком состоянии, я бы сильно испугалась, но сейчас мне трудно было что-то воспринимать, мне казалось, что это все происходит не со мной, поэтому я убрала градусник и пошла обратно наверх.

Я очень боялась того, что со мной произошло, я не хотела никому об этом рассказывать, очень не хотелось бы, чтобы кто-то узнал об этом, я желала сохранить это в тайне. Пройдет какое-то время и я забуду об этом происшествии, оно утихнет во мне и снова жизнь станет прежней, я верю, что оно изгладится, и я снова буду жить прежней жизнью, вновь стану как ни в чем не бывало радоваться утреннему солнцу, подойдя в пижаме к окошку и воздев к нему руки.

А сейчас я лежала с температурой, она не спадала полностью, была около 37, 6, правда бывало такое, что вечером мне становилось легче, и я выходила на залитую, словно как-то солнцем небольшую полянку на своем участке, тогда я даже на несколько минут не чувствовала жара, и мне казалось, будто я совсем здорова, словно болезнь оставила меня, отлетела и больше ко мне не вернется; но когда заходило солнце, мои щеки и уши вновь начинали гореть, и я падала на кровать и не могла потом встать. Где-то через неделю я выздоровела совсем.

Я проснулась утром с чувством легкости и свежести, мне показалось, будто я переродилась заново, будто что-то воскресло во мне. Странно, теперь я как-то по особенному удивленно и с радостью воспринимала свой дом, участок окружающий его, будто до этого не видела его никогда. Я потрогала дверной косяк и так рада была тому, что его вижу, что могу его потрогать. Я распахнула дверь и вышла на улицу, было утреннее ясное небо, так тихо и будто ни в чем не бывало сиявшее надо мною, листья лишь слегка шелестели возле забора. Странно, будто я оказалась на новом месте и вижу все впервые. Все то, что было ушло, оставило меня, осталось где-то вдалеке, позади; и как-то по-новому я восприняла ту же лужайку, она явилась в другом виде и в другом свете, нежели когда я сидела на ней с температурой, хоть в тот момент мне было и легче, но сейчас я вспоминала себя в том состоянии и радостно сознавала, что вышла из него, будто из ка-

кой-то пещеры, тогда я увидела свет наверху, но пещера пока не заканчивалась, мрак был еще впереди. Но теперь я из него выбралась и я глядела на эту лужайку, отстраненно издали видя то состояние, в каком была несколько дней назад. А солнце все мирно и спокойно и так светло сияло утром, а наверху огромная бездонная синева.

Только что мне сказать, когда меня спросят, куда пропал велосипед?